

«Украинофилы», «хлопоманы», «хохломаны»: русские мыслители в поисках понятия для иного украинского в середине XIX в.

Е. Р. Рачев

аспирант кафедры истории и археологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Пермь. E-mail: evgeny.rachev@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется терминология русских публицистов, столкнувшихся с популяризацией украинофильских взглядов в отечественной периодической печати середины XIX в. Именно в это время гетерогенное украинофильское движение находит заметное общественное воплощение: от создания просветительских организаций (громад), до оформления собственного представительства в столичном печатном пространстве (журнал «Основа»). Непосредственным следствием ослабления цензуры оказалась возможность публичного рассуждения о самобытной культуре народов, населяющих окраины Российской империи. В отличие от прочих дискурсов украинизации включал в себя не только воспевание провинциального фольклора, но и постановку проблемы самостоятельности малорусского наречия. В совокупности с обострением национального вопроса на Юго-Западном крае Российской империи, образовавшегося вследствие польского восстания 1863 г., украинофильские романтические стремления вызвали сильную реакцию идеологических оппонентов.

Именно в это время консервативные мыслители формируют пул новых понятий, призванных упорядочить и объяснить активизировавшееся малорусское литературное движение. Однако не все исторические названия будут изобретены в ходе обоюдных пикировок писателей в «толстых» журналах и в бульварной прессе. Например, наиболее общий и часто употребляемый термин «украинофильство» впервые применялся еще жандармами III Отделения на допросах по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе в 1847 г. Данное обстоятельство накладывает дополнительные коннотации понятия, в особенности, если принять во внимание долгожительство термина, занимающего центральное место в Эмском указе 1876 г. Другие наименования, используемые в отношении украинских мыслителей в изучаемый период, не ведут этимологию из государственных структур, но демонстрируют важные эмоциональные аспекты в восприятии малорусской самости.

Особое внимание в работе уделяется сопоставлению эго-документов, публичных текстов и правовых актов, благодаря которым устанавливается спектр значений, область применения и глубина изобретенных понятий.

Ключевые слова: украинофильство, хлопоманство, хохломанство, словообразование, периодическая печать, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, М. Н. Катков.

XIX в. в истории запомнился возникновением многих культурных явлений, значительно разнообразивших интеллектуальное пространство человека. Появление новых форм досуга, расширение печатных границ, усложнение социальной структуры общества и прочие факторы послужили благоприятной средой для формирования широкого спектра идей, бросивших вызов устоявшимся стереотипам. Среди новых воззрений важное место занимал национализм. Российская империя столкнулась с ростом самосознания народов заметно позже европейских государств. За исключением событий «Ноябрьской ночи» 1830 г. российским идеологам не предоставилось повода для обсуждения «национального», традиционно вызывающего ассоциации с чем-то иностранным и крамольным. По замечанию А. И. Миллера: «Вытеснение из официального дискурса понятия нация было, прежде всего, вызвано его неразрывной связью с конституцией, национальным представительством и надсословностью» [10]. Поэтому в отечественной периодической печати получил распространение термин «народность», имеющий более умеренную тональность.

Польское восстание 1830 г. не пробудило серьезный интерес общественности к проблеме взаимоотношения народов в сложном организме империи. Скорее, внимание публицистов было сосредоточено на осознании дальнейших перспектив интеграции польского элемента в общеимперскую канву. Более глубокая рефлексия национального феномена пришла на середину XIX в., когда русские мыслители обнаружили на страницах столичных и провинциальных журналов

художественные произведения, знакомившие читателей с уникальной украинской культурой. Подобное проявление идентификации малороссов вызывало тревогу у других акторов, потому что ставило под сомнение трехчастную «конструкцию» русского народа, за которую ратовали сторонники теории «официальной народности». Столкнувшись с вызовом своим убеждениям, многие литераторы пытались выразить отношение к ревнителям украинской старины и породили массу неологизмов, составляющих предмет изучения настоящей статьи.

«Ревнители украинской старины», «собиратели фольклора», «летописцы и антиквары Малороссии» – часто встречающиеся наименования в литературе имперского времени, отражающие одну из сторон сложного гетерогенного явления. Тогда как более абстрактное понятие, которое уместило в себя труды промоутеров украинской самости, сформулировано только в середине XIX в. Причем авторство принадлежит не писателям или ученым, а сотрудникам тайного сыска, сообщающим о подозрительной деятельности так называемых «украинофилов» в материалах следствия о Кирилло-Мефодиевском обществе. Жандармы III Отделения провели масштабную работу по разоблачению литературного кружка, образовавшегося в 1846 г. при Императорском университете Святого Владимира. Анализируя старые прецеденты, полицейские квалифицировали взгляды молодых мыслителей как славянофильские с претензией на украинскую самостоятельность. Хранители правопорядка уловили тесную связь между двумя идейными течениями, чем и объясняется морфологическая схожесть изобретенного слова «украинофильство» с уже знакомым термином «славянофильство».

Ключевую роль в обличении участников Кирилло-Мефодиевского общества сыграл начальник штаба корпуса жандармов – Л. В. Дубельт, курирующий следствие в Киеве. Однако решающее слово в интерпретации творчества юных романтиков осталось за шефом жандармов А. Ф. Орловым. Установив родство воззрений, Орлов осуждал украинофилов в служебных записках к императору и стремился уберечь других мыслителей, находящихся в легальном поле. Он отмечал: «Для предупреждения вреда в этом случае надлежит действовать общими мерами, не отыскивая, кого бы обвинить или наказать, и не прибегая ни к каким строгостям лично против славянофилов, ибо нет причин предполагать, что они действуют злоумышленно, и притом доселе они действовали открыто, как бы с разрешения начальства» [13, с. 308].

Таким образом, лидеры украинского литературного «возрождения» не являлись самостоятельным субъектом национального дискурса до тех пор, пока не обернули идеи славянской взаимности в радикальную форму. Несмотря на «кабинетное» происхождение, термин «украинофильство» укоренился в кругу российских писателей и получил новое толкование во время правления Александра II, когда периодические издания наполнились работами реабилитированных членов Кирилло-Мефодиевского общества.

Возвращение опальных мыслителей заняло длительное время. Сначала любые упоминания в печати о тайной организации и ее членах старательно устранялись цензорами. Так, с запретами столкнулись все кирилломефодиевцы без исключения, в частности П. А. Кулиш в письмах М. Ф. Юзефовичу сетовал: «В статье Д. Костенецкого (№ 11 Москвитянина) напечатаны же слова: «Украина, сочинение П. К.». Пора, мне кажется, пробовать, справедлива ли пословица: «Не до поросят, когда свинью колют». Впрочем, не беда, если цензор и вычеркнет мое имя» [7, с. 312]. Опасения Кулиша были преждевременны, потому что наступала новая эпоха, когда политическая конъюнктура менялась и позволяла рассуждать на более скользкие темы. К тому же дискуссию об южнорусской истории разворачивали славянофилы, которые не занимали бескомпромиссной позиции по данному вопросу. Не случайно, они помещали украинофильские работы в журналах «Москвитянин» и «Русская беседа», оснащая их подробным анализом. Причем замечания славянофилов носили сдержанный и уважительный характер, базируясь на научной аргументации, в отличие от обструкции, последующей в 1860-е гг., когда «московские» одиозные писатели стремились найти эмоциональный отклик у преданных читателей. Именно в этом порыве публицисты достали с пыльной полки истории некогда подзабытое выражение «украинофильство» и придали ему новое значение.

Центральным объектом критики консервативных мыслителей стали авторы двуязычного журнала «Основа». Столичное издание вместило в себя 22 номера-рассуждения о прошлом, настоящем и будущем малороссийского края в произведениях Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомарова, Кулиша и других представителей украинской интеллигенции. Без преувеличения можно сказать, что этот журнал привлек внимание и изменил представления российских литераторов об идентификационных потенциях южнорусской народности. Консолидированная позиция украинофилов впервые отчетливо прозвучала в отечественной периодической печати и получила полярные оценки.

Государственная пресса приветствовала коллег, признавая авторов «Основы» выразителями устремлений целого народа. На публицистов возлагались большие надежды и важная экспертная миссия: «... с другой стороны, «Основа» будет следить за современными явлениями в общественной жизни южно-русского края, указывать на светлые и темные ее стороны, на местные потребности, на способы к их удовлетворению и вообще – на развитие всего полезного, разумного и плодотворного, и на устранение всего вредного» [12, с. 50–51]. Вместе с тем в их восприятии резкая активность малорусских писателей оставалась локальным явлением, а сами мыслители не наделялись каким-либо нарицательным наименованием, что подчеркивает нейтральный статус украинофилов в общественном сознании в начале 1860-х гг.

Очередное польское восстание открыло 1863 г. и побудило российскую прессу к размышлениям о причинах национальных волнений на окраинах империи. Встречались разные мнения, но нашлись и специалисты, которые занялись поиском внутренних врагов. По этой причине одним из первых под удар попало движение, защищающее самобытность соседней народности в бастующем регионе. Особую пикантность обвинениям украинофилов придавала не только мнимая помощь польским мятежникам, но и стремление распространить религиозные сказания, написанные на малорусском наречии. Например, к 1862 г. относится попытка издания украинской интерпретации Библии в исполнении Ф. С. Морачевского, попадавшая под действия цензуры. Скрупулезный анализ этого запрета можно найти в 4-й главе фундаментальной монографии Миллера «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)» [11, с. 96–115]. Запрещение перевода Священного Писания ознаменовало два важных состояния складывающегося отношения государственной власти к малорусским увлечениям:

с одной стороны, в пестрой империи колоссальное значение для самоидентификации подданных имела религиозная идентичность, которая нередко заменяла национальную по типу православный значит русский, поэтому трактовки в церковных текстах подвергались строгой государственной цензуре;

с другой стороны, вспоминая, каким образом доносились до крестьян и рядовых городских обывателей важнейшие государственные установления, наподобие высочайшего манифеста 19 февраля 1861 г., становится очевидным массовость аудитории христианских проповедей. В связи с этим ограничительные меры российского правительства имели цель сохранения маргинальности малорусской литературы.

Спустя год после недопущения к публикации украинской версии Библии Морачевского выходит циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева, закрепляющий главные государственные положения в отношении украинского языка: «... сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться» [17, с. 304].

Инициаторов выпуска книг надзорные органы во всеуслышание еще не называли «украинофилами», но в служебной корреспонденции еще со времен кирилло-мефодиевской крамолы установились номенклатурные обозначения проявивших себя представителей общественной мысли. Главным отличием ситуации 1863 г. от сложившейся конъюнктуры «мрачного семилетия» являлась публичность украинских мыслителей, поэтому в печати последовали обоснования нашумевшего решения. Центральным оратором, транслирующим официальную позицию правительства, выступил М. Н. Катков в соавторстве с коллегами из консервативно-охранительного лагеря. Следствием этого стала информационная кампания против малорусских писателей, захватившая первые полосы в «Московских ведомостях» и «Дне».

Узловым понятием, с которым ознакомили читателей московские издания, оказалось витиеватое слово «украинофильство». Оно послужило стартовой вводной для объяснения сущности малорусского литературного «возрождения». Пик упоминаний «украинофильства» пришелся в период с июля по сентябрь 1863 г., совпавший с оглашением государственных распоряжений, ограничивающих выпуск произведений на малорусском наречии. С помощью саркастической интонации авторы политических заметок понижали уровень аргументации в дискуссии об уникальности украинского языка, демонстрируя абсурдность провинциальных симпатий к местным народностям. В преддверии принятия циркуляра Валуева Катков утверждал: «По украинским селам начали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности, и начали заводить малороссийские школы, в противность

усилиям местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало, как отбиться от этих непрошенных просветителей» [2, с. 327]. В риторике претенциозного писателя украинофильство превращалось в периферийное занятие книжников – некое романтическое чудачество, которое никогда не найдет отклика у простого народа. «Может быть, в скором времени к украинофилам присоединятся еще какие-нибудь филы», – язвительно отпускал Катков, тем самым развеивая притязания украинских мыслителей на идеологическую субъектность в Юго-Западном крае [3, с. 506].

В целом о какой субъектности может заходить речь, если украинофилов упоминали в печати только в связи с опасениями в их «одурманивании» и использовании польской национальной партией?

Здесь кроются истоки зарождения второго понятия, которым окрестили новое поколение южнорусских патриотов. Таковым стало слово «хлопоманство». Оно вошло в употребление в польской языковой среде в середине XIX в., задолго до революционных событий. Хлопоманами поляки называли молодых шляхтичей, обратившихся в поисках национального «духа» к культуре простого народа Западного края, весьма неоднородного по своей этнической принадлежности. Представители российской публицистики знали об этом явлении, анализировали его стороны и терминологию. «Да по правде сказать, едва ли у какого-нибудь другого славянского народа и могло создаться подобное презрительное слово: только высокошляхетные сарматы, в благородных сердцах которых и сам простолюдин, и его название, *chlór*, издавна вызывали чувство глубокого презрения, только – говорю – наши славные сарматы и могли быть творцами этого слова», – негодовали авторы «Вестника Юго-Западной и Западной России» в 1862 г. [16, с. 139–156].

Каково было удивление украинофилов, когда спустя несколько месяцев после данного разбора их начали ассоциировать с польским демократическим движением? Причем популяризацией термина «хлопоманство» занимались извечные оппоненты украинофилов в Малороссии – «Вестник Юго-Западной и Западной России», а массовое тиражирование производилось «Московскими ведомостями» осенью 1863 г. Еще недавно в полемике с теми же польскими публицистами приводились в качестве аргументации труды Костомарова и Кулиша – самых известных спикеров исторической науки Малороссии, а теперь в их произведениях прослеживают благоволение к хлопоманству. Подобные изменения характерны не только для российской бульварной прессы, склонной оперативно реагировать на внешние события, но и для толстых журналов, где критики претендовали на научность суждений. Лучше всего эту трансформацию зафиксировала редакционная коллегия журнала «Отечественные записки», перечислив расхожие мнения о начинаниях украинофилов в Малороссии. Нейтральная статья по своему содержанию оставила открытый финал украинского сюжета, воздержавшись от каких-либо оценок. Однако примечательна она другим обстоятельством: это одна из немногих работ, которая проводила разделение между украинофилами и хлопоманами. Например, писатели подчеркивали: «Такова политическая сторона обвинений, обрушенных на голову украинских хлопоманов, а вместе с ними и на наших известных малороссийских писателей» [1, с. 35].

С течением времени тонкая грань между самобытным литературным движением и народничеством, привнесенным извне, стирается в восприятии консервативных мыслителей, возглавляемых Катковым. Одновременно с этим в периодической печати набирает популярность термин «хлопоманство», призванный вывести воззрения южнорусской интеллигенции за пределы общеимперского контекста, то есть показать их скрытый сепаратистский потенциал. Такая лингвистическая рокировка приобретает дополнительные коннотации, если сопоставить этимологию навязанного названия с героями произведений украинофилов. Поскольку украинские романтики черпали вдохновение в казацких думках, сказках, былинах и прочих продуктах малорусского народного творчества, их исторические персонажи наделялись определенными чертами национального характера и, как правило, противостояли всему польскому. Например, репертуар Костомарова включил лирическую героиню Марину Лысенко в трагедии «Савва Чалый», Кулиш повествовал о полковнике Шраме в романе «Черная рада», а С. В. Руданский воспевал Павла Полуботка в одноименной поэме. Поэтому ассоциирование украинофилов с деятельностью хлопоманов преследовало цель разрушения представлений о патриотичности и демотичности подобных национальных воззрений.

Наиболее заметно это стремление проявляется к концу 1863 г., когда порицание украинофильства в работах Каткова обретает крайнюю форму. Именно тогда читателей «Московских ведомостей», «Русского вестника» и «Современной летописи» знакомят с понятием «хох-

ломанство». Так же, как и предыдущие названия, оно образовалось путем сложения слов с добавлением стандартного суффикса. Только в данном случае произошла замена основополагающего слова, которое уже имело устойчивые значения. В частности, толковый словарь живого великорусского языка предлагал следующие примеры применения: «Хохол глупее вороны, а хитрее черта. Хохол не соврет, да и правды не скажет. И по воду хохол, и по мякину хохол! Хохлацкий цеп на все стороны бьет (хохлы молотят через руку)» [15, с. 514]. Таким образом, в определении украинского литературного движения начали использоваться выражения, отсылающие к стереотипам, сформированным у потребителей на бытовом уровне. Соответственно воззвания к украинофилам стали носить не просто критический, а откровенно оскорбительный характер. «Так или иначе, но Украина самостоятельна быть не может, и хохломаны в руках новых своих друзей поляков разыгрывают роль той кошки, лапами которой обезьяна доставала горячие каштаны, – в сущности впрочем, ту же самую роль, какую разыгрывают и чиновники, любезничающие с изменниками», – выносил вердикт автор [4, с. 689]. Обструкция украинофилов недолго занимала мысли консервативных писателей, достигла кульминации в слове «хохломанство», отошла на второй план, а потом и совсем пропала со страниц газет и журналов к началу 1864 г.

Вопреки внешнему обращению украинофилы не применяли навязанные названия в общении между собой: в редкой переписке они стремились подчеркнуть свою сопричастность к малорусской культуре, но осторожно высказывались о своей национальной идентичности. Наиболее наглядно эта закономерность проявляется при сравнении позиционирования разных поколений украинофилов. Например, Кулиш в преддверии развития политического дела искренне вопрошал Костомарова: «Зачем вы говорите, что вы не украинец? Что только из гуманистической идеи вертитесь между нами? Мы даем вам право гражданства, притом же маменька ваша – украинка. Я не могу вас так любить, как люблю, когда считаю украинцем. Можно ли так отвергать столь драгоценное для нас имя?» [15, с. 269]. Тем не менее, как только дискурс украинизации выходит за рамки провинциального патриотизма, Костомаров совершенно иначе преподносит себя в письмах к единомышленникам. «Хотел было я перебраться на Украину, чтобы провести остаток дней в стране своей, текущей молоком и медом, но увы! – сильные мира сего, сидящие на седалищах власти, по наущениям суетлаголевых клеветников, не допустили меня. Я любил всю жизнь Украину, ее народ, ее язык, ее природу: за это меня следует лишить возможности дожить и умереть там», – сетовал публицист [6, с. 233–234].

Отчего произошли такие изменения во взглядах малорусского историка? Его малая родина, происхождение и воспитание остались прежними, в то время как украинское идейное течение стало сложнее, разнообразнее и престижнее. В пореформенной России бывшие маргиналы, подвергавшиеся преследованию, получили представительство в столичных изданиях, учредили и распространили по разным уголкам империи громады – воскресные школы, популяризирующие малорусскую культуру.

В текущей ситуации важной задачей идеологов украинской самости стала передача опыта следующей плеяде мыслителей, которая должна была привести новое «дыхание» в национальное движение. Однако после «Январского восстания» 1863 г. украинофильство испытало сильное давление со стороны оппонентов из консервативно-охранительного лагеря. Развитие национальных воззрений малорусской интеллигенции проходило при значительных ограничениях в печати, поэтому центр украинофильской мысли сместился в г. Киев в лице резидентов «старой громады» В. Б. Антоновича, П. П. Чубинского и П. И. Житецкого, которые настаивали на суверенности малорусского наречия от других языков восточнославянской группы. В контексте усиливающихся подозрений в сепаратизме и непрекращающегося противостояния с польскими критиками участники громады оставляли без внимания свою национальную идентичность, но активно высказывались о будущем юго-западной окраины Российской империи. В эпистолярных источниках киевские писатели редко именовали себя «украинцами», «малороссами» и тем более «украинофилами», что не мешало им признаваться в любви заветному краю. Так, Чубинский в минуты гонений писал:

Вдали от родимой и милой Украины
Я должен томиться, исхода не зная.
Разбитое сердце болезненно стонет
И мысль застывает при звуке цепей...
И дни вереницею длинной проходят
Готов бы проститься я с жизнью моей [9, с. 141].

В результате за несколько десятилетий увлечение культурой Малороссии превратилось из периферийного романтического течения в политическую силу. Акторы, определяющие вектор развития дискурса украинизации, не разделяли официальной риторики в свой адрес и уклонялись от использования чуждой лексики по следующим основаниям.

Во-первых, украинофильство не обладало четкой структурой, олицетворяя собой локальные очаги симпатии к украинской самости. К слову, Миллер к таковым «очагам» относит польское, малорусское и великорусское направления, выделившиеся в середине XIX в. [11]. Казалось бы, отличным маркером для обозначения своей принадлежности могло быть единое языковое пространство. Однако разрозненные писатели не пришли к общему мнению, что привело к созданию собственных интерпретаций украинского языка в виде «кулешовки» и подобных фонетических прочтений малорусской словесности, противоречащих друг другу.

Во-вторых, украинофильство представлялось открытым сообществом, не предъявляющим строгих требований к новым авторам. Исходя из этого, любой литератор, сопереживающий южнорусскому народу, принимался в громадах и печатался в профильных изданиях до тех пор, пока распространение малорусского наречия не сдерживалось такими государственными предписаниями, как «Валуевский циркуляр» и Эмский указ. В результате образовывались неформальные группы деятелей, для которых обобщающие названия оказались не востребованными.

В-третьих, дискурсивная стратегия украинофилов не предполагала серьезного дистанцирования от читательской аудитории, поэтому в пафосном синтезирующем термине, объясняющим сущность творческого объединения украинской интеллигенции, не было надобности. Показательным примером обратной связи украинофильской аудитории может служить прошение Г. К. Костарева, опубликованное в 1861 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», в частности, автор сообщал следующее: «Малороссия и Киевская губерния ждут азбучек и других учебников на местном языке; по-моему, эти пособия быстро бы двинули нашу грамотность, потому что легче развивать понятия и учить всякого на местном наречии; подучившись, легко будет освоиться и с великорусским языком, что непременно и последовало бы. В этом случае здесь крепкую надежду возлагают на известных писателей и знатоков малороссийского языка, гг. Костомарова и Кулиша, что они непременно позаботятся о нас» [14, с. 89]. Пожалуй, это лучшая характеристика вклада украинских просветителей в образование простого народа.

В-четвертых, стараниями консервативных мыслителей в российских «толстых» журналах и ежедневных газетах сложились устойчивые коннотации слова «украинофильство», поэтому малорусская интеллигенция сторонилась этого термина, перегруженного неоднозначными смыслами. Тем не менее, когда случалась необходимость публичного заявления – своеобразного послания, направленного московским критикам, в украинских изданиях появлялись статьи с подобными заголовками: «Что такое украинофильство?», «Задачи украинофильства», «Украинофилам», «Об украинофилах и украинофильстве», что свидетельствует о взаимном глубоком понимании природы вычурного понятия.

Подводя итоги, необходимо отметить некоторые важные тенденции, обнаружившиеся при определении иного украинского в изучаемый период.

1. Приведенные в данной статье термины получили распространение в периодической печати Российской империи на короткий срок. Вопреки расхожему мнению активность употребления новых наименований в отношении украинского литературного «возрождения» пришлась не на время существования двуязычного журнала «Основа», не в горячие фазы польского восстания, а на время подготовки, обнародования и первичной рецепции циркуляра Валуева.

2. Рефлексия, выраженная в конструировании специальной терминологии, отразилась в публикациях консервативных мыслителей, настроенных против самобытных устремлений украинофилов. Именно с этим связан выбор выражений с негативной окраской.

3. Порядок включения в оборот новых названий демонстрирует не только повышенное внимание к провинциальному движению, но и значительное изменение в его восприятии: от регионального чудачества к самостоятельному субъекту национального дискурса.

4. При сравнении эго-документов и публичных текстов украинофилов и их противников прослеживается недолговечность и ограниченность изобретенных наименований, имеющих прикладное значение для использования в конкретное время.

5. «Украинофильство», «хлопоманство» и «хохломанство» являются искусственно введенными словами, а не полноценными понятиями. Согласно Р. Козеллеку, «понятие же, напротив, должно сохранять свою многозначность, ибо иначе оно не сможет оставаться понятием» [5, с. 108]. В случае с употреблением изучаемых слов, авторами не ставилась задача раскрытия глубокого социального, культурного, национального контекстов и любого другого эмпириче-

ского наполнения, поэтому названия не выдержали проверку временем и остались на задворках бульварной прессы. Закрепощенные в своей форме, они так и не вышли за пределы узкого спектра оскорбительных значений. Небольшим исключением оказалось слово «украинофильство», приобретающее актуализацию исключительно в исследовательских работах в качестве обобщающего термина для изображения общественно-литературного движения Малороссии.

Список литературы

1. Вопрос об украинофилах и подробное изложение всего, что сказано было против и за них // Отечественные записки. 1863. Т. 149. № 7. Раздел «Современная хроника России». С. 29–42.
2. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. // Московские ведомости. М. : Издание С. П. Катковой, 21 июня 1897. № 136. С. 326–330.
3. Катков М. Н. Московские передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. М. : Издание С. П. Катковой, 3 сентября 1897. № 191. Собр. 506. С. 503.
4. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. // Московские ведомости. М. : Издание С. П. Катковой, 19 ноября 1897. № 253. С. 689–691.
5. Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос. 2004. № 5 (44). С. 97–130.
6. Костомаров Н. И. Письмо Н. И. Костомарова к М. А. Максимовичу (1864). Материалы для биографии Н. И. Костомарова // Киевская старина. 1907. № 11. С. 225–274.
7. Кулиш П. А. Письма П. А. Кулиша к М. Ф. Юзефовичу // Киевская старина. Февраль, 1899. Т. 64. С. 303–324.
8. Куліш П. О. Лист П. О. Куліша до М. І. Костомарова про надіслання йому виписок з «Літопису величка», праці про хмельницького і повідомлення про закінчення другого тому «Чорної ради» // Кирило-Мефодіївське товариство : У 3 т. Т. 1 / АН УРСР. Археограф, комісія та ін.: упоряд. М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко; редкол.: П. С. Сохань. К. : Наук, думка. 1990. С. 269.
9. Листи П. П. Чубинського до Я. П. Полонського (1860–1874) // За сто літ. Матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початків XX ст. 1930. Кн. 6. С. 134–144.
10. Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (46). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2012/1/istoriya-ponyatiya-nacziya-v-rossii.html> (дата обращения: 22.05.2022).
11. Миллер А. И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб. : Алетейя, 2000. 260 с.
12. Об издании южно-русского литературно-ученого вестника «Основа» // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Т. 108. Отд. IV. С. 49–52.
13. Орлов О. Ф. Проект доповіді О. Ф. Орлова Миколі I про славянофілів // Кирило-Мефодіївське товариство : У 3 т. Т. 3 / АН УРСР. Археограф, комісія та ін.: упоряд. М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко; редкол.: П. С. Сохань. К. : Наук, думка. 1990. С. 306–308.
14. Распространение грамотности в Киевской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1861. Т. 111. Отд. IV. С. 87–89.
15. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Ч. 4. Р – V. М. : Типография Т. Рис, у Мясницких ворот. Дом Воейкова № 2. 1866. 626 с.
16. Что такое хлопомания и кто такие хлопоманы? // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. Т. 2. Отд. IV. С. 139–156.
17. Циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 г. // Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. / М. К. Лемке. СПб. : Герольд, 1904. С. 302–304.

"Ukrainophiles", "khlopomans", "khokhlomans": Russian thinkers in search of a concept for a different Ukrainian in the middle of the XIX century

E. R. Rachev

postgraduate student of the Department of History and Archeology, Perm State National Research University.
Russia, Perm. E-mail: evgeny.rachev@gmail.com

Abstract. The article examines the terminology of Russian publicists who faced the popularization of Ukrainophile views in the domestic periodical press of the mid-XIX century. It was at this time that the heterogeneous Ukrainophile movement finds a noticeable social embodiment: from the creation of educational organizations (communities), to the registration of its own representation in the capital's print space (the magazine "Basis"). The immediate consequence of the weakening of censorship was the possibility of public discussion

about the distinctive culture of the peoples inhabiting the outskirts of the Russian Empire. Unlike others, the discourse of Ukrainization included not only the glorification of provincial folklore, but also the formulation of the problem of the independence of the Little Russian dialect. Together with the aggravation of the national question in the Southwestern edge of the Russian Empire, formed as a result of the Polish uprising of 1863, Ukrainophile romantic aspirations caused a strong reaction of ideological opponents.

It was at this time that conservative thinkers formed a pool of new concepts designed to streamline and explain the intensified Little Russian literary movement. However, not all historical names will be invented during mutual pickings of writers in "thick" magazines and in the tabloid press. For example, the most common and frequently used term "Ukrainophilism" was first used by the gendarmes of the III Department during interrogations in the case of the Cyril and Methodius Society in 1847. This circumstance imposes additional connotations of the concept, especially if we take into account the longevity of the term, which occupies a central place in the Presidential Decree of 1876. Other names used in relation to Ukrainian thinkers during the studied period do not lead to etymology from state structures, but demonstrate important emotional aspects in the perception of the Little Russian self.

Special attention is paid to the comparison of ego documents, public texts and legal acts, thanks to which the range of meanings, scope and depth of the invented concepts are established.

Keywords: Ukrainophilism, Khlopomanism, Khokhlomanism, word formation, periodical press, N. I. Kostomarov, P. A. Kulish, M. N. Katkov.

References

1. *Vopros ob ukrainofilah i podrobnoe izlozhenie vsego, chto skazano bylo protiv i za nih* – The question of Ukrainophiles and a detailed statement of everything that was said against and for them // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes. 1863. Vol. 149. No. 7. Section "Modern Chronicle of Russia". Pp. 29–42.
2. *Katkov M. N. Sobranie peredovyh statej Moskovskih vedomostej. 1863 g.* [Collection of leading articles of the Moscow gazette. 1863] // *Moskovskie vedomosti* – Moscow gazette. M. Ed. by S. P. Katkova, June 21, 1897. No. 136. Pp. 326–330.
3. *Katkov M. N. Moskovskie peredovyh statej Moskovskih vedomostej. 1863 g.* [Moscow advanced articles of the Moscow gazette. 1863.] M. Ed. by S. P. Katkova, September 3, 1897. No. 191. Collection. 506. P. 503.
4. *Katkov M. N. Sobranie peredovyh statej Moskovskih vedomostej. 1863 g.* [Collection of leading articles of the Moscow gazette. 1863] // *Moskovskie vedomosti* – Moscow gazette. M. Ed. by S. P. Katkova, November 19, 1897. No. 253. Pp. 689–691.
5. *Kozellek R. Teoriya i metod opredeleniya istoricheskogo vremeni* [Theory and method of determining historical time] // *Logos* – Logos. 2004. No. 5 (44). Pp. 97–130.
6. *Kostomarov N. I. Pis'mo N. I. Kostomarova k M. A. Maksimovichu (1864). Materialy dlya biografii N. I. Kostomarova* [Letter of N. I. Kostomarov to M. A. Maksimovich (1864). Materials for the biography of N. I. Kostomarov] // *Kievskaya starina* – Kiev antiquity. 1907. No. 11. Pp. 225–274.
7. *Kulish P. A. Pis'ma P. A. Kulisha k M. F. Yuzefovichu* [Letters of P. A. Kulish to M. F. Yuzefovich] // *Kievskaya starina* – Kiev antiquity. February, 1899. Vol. 64. Pp. 303–324.
8. *Kulish P. A. Pis'mo P. A. Kulisha k N. I. Kostomarovu ob otpravke emu vypisok iz "Letopisi Velichka", truda o Hmel'nickom i soobshcheniya ob okonchani vtorogo toma "Chyornoj Rady"* [P. A. Kulish's letter to N. I. Kostomarov about sending him extracts from the "Chronicle of Velichka", the work about Khmel'nitsky and the message about the end of the second volume of the "Black Rada"] // *Kirillo-Mefodievskoe obshchestvo: V 3 t. T. 1* – Cyril and Methodius Society: In 3 vols. Vol. 1 / AS of the Ukrainian SSR. Archeographer, commission, etc.: comp. M. I. Butich, I. I. Gliz, A. A. Franko; ed. board: P. S. Sohan. K. Nauchnaya Mysl' (Scientific Thought). 1990. P. 269.
9. *Pis'ma P. P. Chubinskogo k Ya. P. Polonskomu (1860–1874)* – Letters of P. P. Chubinsky to J. P. Polonsky (1860–1874) // *Sto let. Materialy po obshchestvennoj i literaturnoj zhizni Ukrainy XIX – nachala XX vv. 1930* – A hundred years. Materials on the social and literary life of Ukraine of the XIX – early XX centuries. 1930. Book 6. Pp. 134–144.
10. *Miller A. I. Istoriya ponyatiya "naciya" v Rossii* [The history of the concept of "nation" in Russia] // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes. 2012. No. 1 (46). Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii.html> (date accessed: 22.05.2022).
11. *Miller A. I. Ukrainskij vopros v politike vlastej i ruskom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.)* [The Ukrainian question in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the XIX century)]. SPb. Alethea. 2000. 260 p.
12. *Ob izdani yuzhno-russkogo literaturno-uchenogo vestnika "Osnova"* – On the publication of the South Russian literary and scientific bulletin "Osnova" // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Journal of the Ministry of Public Education. 1860. Vol. 108. Ed. IV. Pp. 49–52.
13. *Orlov O. F. Proekt doklada O. F. Orlova Nikolayu I o slavyanofilah* [Draft report of O. F. Orlov to Nicholas I on Slavophiles] // In 3 vols. Vol. 3 / Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. Archeographer, commission, etc.: comp. M. I. Butich, I. I. Gliz, A. A. Franko; ed. board: P. S. Sohan. K. Nauchnaya Mysl' (Scientific Thought). 1990. Pp. 306–308.

14. *Rasprostranenie gramotnosti v Kievskoj gubernii* – The spread of literacy in the Kiev province // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* – Journal of the Ministry of Public Education. 1861. Vol. 111. Ed. IV. Pp. 87–89.

15. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka V. I. Dal'a* – Explanatory dictionary of the living Great Russian language V. I. Dal. Part 4. R – V. M. Printing house T. Rice, at the Myasnitsky gate. Voeykov House. No. 2. 1866. 626 p.

16. *Chto takoe hlopomaniya i kto takie hlopomany?* – What is cotton mania and who are cotton lovers? // *Vestnik Yugo-Zapadnoj i Zapadnoj Rossii* – Herald of South-Western and Western Russia. 1862. Vol. 2. Ed. IV. Pp. 139–156.

17. *Cirkulyar ministra vnutrennih del P. A. Valueva Kievskomu, Moskovskomu i Peterburgskomu cenzurnym komitetam ot 18 iyulya 1863 g.* – Circular of the Minister of Internal Affairs P. A. Valuev to the Kiev, Moscow and St. Petersburg Censorship Committees of July 18, 1863 // *Epoha cenzurnyh reform 1859–1865 gg.* – The era of censorship reforms of 1859–1865 / M. K. Lemke. SPb. Typo-lithography "Vestnik" ("Herald"). 1904. Pp. 302–304.